

КРЕСТЬЯНСТВО О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ:

АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НАЧАЛА XX в.

Автор: О. А. КАЖАНОВ

КАЖАНОВ Олег Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета. (E-mail: kazhanov@bk.ru).

Аннотация. Изучены дореволюционные **исследования** политического сознания российского крестьянства как электоральной группы. Описываются особенности применявшихся методик: качественный подход, количественные измерения содержания "приговоров" и "наказов" в адрес государственных органов власти. Автор оспаривает точку зрения относительно отсутствия в дореволюционный период серьезных работ об отношении русской деревни к Государственной Думе.

Ключевые слова: электоральная публицистика • Государственная Дума Российской Империи • политическое сознание • крестьянство • электоральная группа • анализ документов

Исследования начала XX в., посвященные политическому сознанию групп населения в условиях первой русской революции, остаются, на наш взгляд, "белым пятном" современной отечественной историографии. Мало затронуты они и в исторической социологии. Незаслуженно забыты, в частности, изыскания в области восприятия российским крестьянством института народного представительства, возникшего в тот период, и особенностей электорального выбора, влиявшего на характер деятельности нижней палаты парламента первого и второго созывов (1906 - 1907 гг.). Показателен вывод А. Дмитриенко: досоветская историография характеризуется полным отсутствием анализа отношения сельских жителей к идее создания Государственной Думы, а пласт серьезной литературы, освящающей подобные сюжеты, появился лишь в 1960 - 1980-х гг. [Дмитриенко: 25]. Есть основания усомниться в объективности подобных констатации. Появление Думы стимулировало электоральную активность политических сил, представлявших интересы самодержавной власти и оппозиции. Основным объектом их внимания становились механизмы, определявшие электоральный выбор. Понимание и практическое использование этих механизмов было невозможным без **исследований** состояния и динамики политических представлений избирателей. Напомним, что основную ставку власть делала на патриархальные взгляды крестьянства, которое в качестве избирателей и должно было сформировать "послушную" Думу. "Правильная и целесообразная деятельность Думы, - отмечал в 1905 г. А. Бобринский, - вполне зависит от участия в ней значительного числа крестьян... Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов" [Петергофские совещания...: 142]. Результаты выборов в первый российский парламент заставили политиков пересмотреть стереотипы в отношении политического сознания российского мужика и активизировали прикладные **исследования**, в первую очередь, в оппозиционных кругах.

Изучение электоральной публицистики начала XX в. позволяет выделить ряд работ, внесших вклад в изучение политического сознания крестьянства. Они содержат оценку внутренних мировоззренческих сдвигов, происходивших в среде сельских низов, дают представление о методах сбора и анализа фактологического материала, применявшихся в эмпирических **исследованиях** того времени.

В условиях неразвитости опросных методик распространение получило обращение к работе с документальным материалом, содержащим информацию о состоянии и динамике массового политического сознания. Мы имеем в виду петиционное движение, охватившее города и села Российской империи в первые годы русской революции. Начало было положено царским указом от 18 февраля 1905 г. правительствующему Сенату о предоставлении населению "права петиций". На имя Николая II стали поступать многочисленные "приговоры" крестьянских обществ, в которых излагались взгляды их представителей на проблемы села и видение возможных социальных и политических преобразований российского общества начала XX в.

Одним из тех, кто обратил внимание на эти документы как источниковую базу для изучения политического сознания крестьянства в преддумский период, был публицист К. Сивков. Он собрал, систематизировал и проанализировал 49 сельских приговоров, появившихся в прессе в период от публикации указа до появления закона о Булыгинской Думе (6 августа 1905 г.) [Сивков: 24 - 48].

Знакомство с исследованием К. Сивкова указывает на достаточно высокий методический уровень работы с документами. Обосновываются выбранные временные и пространственные параметры источниковой базы. Автора интересует время, когда еще не были определены основные контуры будущего органа народного представительства и избирательной системы, на основе которой он должен был формироваться. Весной - летом 1905 г. российское общество обсуждало эти вопросы. Не стало исключением и российское крестьянство, выражавшее свои взгляды на происходящее в петиционных посланиях в высшие государственные органы Российской империи. К. Сивков стремится определить степень участия сельского населения различных регионов страны в этом движении. География собранных документов включала территории от прибалтийских губерний до Сибири. При установлении территориального распределения собранного документального материала автор использовал статистическую обработку. Определялись губернии, в которых было распространено составление крестьянских приговоров, подсчитывалось количество поданных петиций. Тот факт, что составление крестьянских приговоров нашло широкое распространение лишь в ряде районов, автор обосновывает разной степенью активности уездных земств и местных общественных организаций.

Предварительная стадия исследования включала в себя анализ социально-политической ситуации, в которой создавались деревенские приговоры. Определенное внимание уделялось авторству приговоров. Опираясь на стилистику текстов, автор выделяет несколько групп разработчиков. Среди них представители местной администрации, под диктовку которых составлялись шаблонные "верноподданнические" послания (абсолютное меньшинство). Стилистика "приговоров" критического плана (абсолютное большинство) позволила выделить случаи, когда инициаторами и исполнителями идеи подачи петиции являлись сами крестьяне того или иного общества. Ссылаясь на газетные публикации, автор пишет: "многие приговоры отличаются такой непосредственностью в изложении крестьянской нужды, что исключают всякую возможность предположения о вмешательстве в их составление лиц "посторонних" [Сивков: 30]. Однако ряд документов явно составлен с участием интеллигенции, земских служащих, не преследовавших партийных целей. К. Сивков ссылается на опубликованные в прессе циркуляры губернаторов земским начальникам, запрещавшие такого рода деятельность на местах и вводившие санкции по отношению к лицам, нарушившим данный запрет.

Значительно сложнее было определить петиции, составленные в результате партийной пропаганды, занесенной извне. Косвенно, по мнению автора, на это указывало количество подписей, поставленных под посланиями. В случае если их число достигало нескольких десятков тысяч, а подписанты проживали в сотнях сел и деревень, влияние общественных, в том числе партийных организаций, считает К. Сивков, было неизбежным. Важную роль в петиционном движении сыграл Крестьянский Союз, действовавший с середины лета 1905 г. В одном из *приговоров* автор нашел приписку: "Для

осуществления изложенных нами требований в законодательном порядке мы вступаем в общероссийский крестьянский союз" [Сивков: 29].

С позиций широты представленных требований автор выделял две группы документов. Первая включала в себя несколько петиционных посланий, связывающих улучшение положения заявителей с решением местных проблем: уменьшением гнета земских начальников, налоговыми послаблениями и т.д. География "приговоров" охватывала национальные окраины Российской Империи от северо-западного края до Средней Азии и Сибири. Документы свидетельствовали о широте взглядов их представителей. "Эти приговоры, - считает К. Сивков, - наглядно показывают, что наши крестьяне уже почти два года тому назад могли не только разобраться в причинах того гнета, от которого они страдают, но и понять, что недостаточно упразднить "земского", уменьшить кое-какие налоги, а необходимо изменить *весь* правовой строй государства, заново переделать всю податную систему; наконец, они могли даже сказать, хотя бы в общих чертах, как сделать и то, и другое" [Сивков: 35].

Основная часть **исследования** К. Сивкова связана с анализом содержания крестьянских приговоров. Сравнительное изучение текстов конкретных документов позволило выявить их структурную идентичность. Каждый документ включал в себя две части: в первой с разных сторон описывалось сложившееся в российской деревне положение, во второй - излагалась программа изменений государственного и общественного строя, которые, по мнению крестьян, являлись неотложными. Знакомство с содержанием первой части посланий позволяет автору выделить проблемы, волнующие крестьян. "Вот таким образом, по мнению крестьян, три главные причины всех невзгод русской деревни: малоземелье, бесправие и невежество" [Сивков: 38]. Работа с документами, заменяя опросную методику, также давала возможность публицисту ранжировать выделенные проблемы по степени общественной значимости. Статистический подсчет упоминаний выдвигает на первое место земельный вопрос, на второе - бесправие крестьян, на третье - невежество.

Соответственно строилась программная часть крестьянских приговоров. Из общего числа желаемых реформ выделялись ряд основных, тесно связанных с актуальными социальными проблемами. К. Сивков описывает три основных направления предлагаемых преобразований: экономическое, правовое, социально-культурное. В первом случае, большинство крестьянских приговоров содержало требование аграрной и налоговой реформ, во втором - изменений в установленном законом неравенстве прав и свобод различных сословий, в третьем - кардинального решения вопроса об образовании. Сравнительный анализ предложений в рамках выделенных направлений позволяет исследователю решить ряд задач: выявить степень осознания сущности предлагаемых мероприятий, определить общее и особенное в подходах составителей к их решению, конкретизировать специфику вносимых предложений.

Сравнение содержания первой и второй части приговоров убеждает автора в логической цельности документа. Исходя из взглядов составителей на причины крестьянских бед, формировались предложения по их разрешению. Соответственным был и порядок изложения программных заявлений: как отмечает Сивков, "... в тех приговорах, в которых эта причина усматривается в малоземельи, и программа реформ начинается с вопросов экономических; те приговоры, в которых на первый план выдвигается крестьянское бесправие, и программу реформ обыкновенно начинают с вопросов политических" [Сивков: 38 - 39].

К. Сивкова интересует и форма изложения петиций. Автор отмечает господство умеренного тона прошений в обращениях к самодержавной власти. Приводимые им выдержки из конкретных приговоров свидетельствуют о распространенности таких выражений и фраз как "Облегчи, Государь, нам эту нужду...", "Повели, Государь, увеличить..." или "Слезно умилились мы, когда узнали, что Царь пожелал облегчить подданным возможность быть услышанными...". Лишь в одном документе крестьяне просят Царя "приказать немедленно" ответственным лицам осуществить необходимые мероприятия [там же: 39]. По мнению К. Сивкова, это тон не революционеров, а лояльных подданных. Тот факт, что российское крестьянство ориентировано на диалог с властью, подтвержда-

ется содержательным анализом предлагаемых реформ: изложение аграрного вопроса в большинстве документов свидетельствовало о том, что масса крестьянства слабо представляла себе пути его решения, признавая необходимость мирного, законодательного вмешательства государства в систему сложившихся аграрных отношений, используя в реформе не только казенные, удельные, но и частновладельческие земли. Большая определенность формулировок (отмена частной собственности на землю и передача всего земельного фонда в руки народа, установление минимума и максимума землевладения и т.д.), присущая ряду приговоров, свидетельствует, по мнению автора, о более или менее определенном влиянии партийной пропаганды.

Тот факт, что составители петиций хорошо разбирались в экономико-правовой сущности предлагаемых реформ, К. Сивков иллюстрирует изложением в крестьянских приговорах вопроса о налогах. Достаточно грамотно, с профессиональной точки зрения, критикуется положение, сложившееся в этой сфере. Обосновывается необходимость отмены косвенных налогов, выкупных платежей. Не менее интересны предложения крестьян по введению новой системы налогообложения. Знакомство с текстами документов убеждает К. Сивкова в том, что речь идет о введении подходящего прогрессивного налога, причем этот термин не был для них расхожей фразой. Свой вывод автор иллюстрирует показательными выдержками, в которых отражалось сущностное понимание предлагаемой реформы. "По справедливости, по правде нужно сделать так, - указывается в приговоре крестьян с. Ратислова Владимирской губернии, - чтобы налоги брались прямо с прибýtка; кто богаче, у кого прибýtков больше, тот и платит больше, а кто беден, тот или мало или ничего не платит" [Сивков: 43].

Интересует исследователя и отношение крестьянства к запросам и нуждам фабрично-заводских рабочих, тесно связанных с земледельческим слоем. Как показал анализ документов, связь такого рода рассматривалась как исключение: из 49 петиций лишь две содержали предложения по изменению фабричных законов в пользу рабочих, уравниванию их прав с правами хозяев и т.д.

Особое внимание К. Сивков уделяет заключительной части приговоров, в которых составители указывали на политические условия проведения предлагаемых реформ. Сравнительный анализ документов позволяет исследователю вывести общий содержательный шаблон такого рода: "Все указанные реформы могут быть проведены в жизнь только с созывом народных представителей; чиновничество своими силами провести их не может" [Сивков: 46].

Наряду с распространенным требованием скорейшего созыва народного представительства тексты приговоров содержали в себе ценную информацию о взглядах крестьян на условия формирования общенационального органа представительной власти в стране. Господствовала точка зрения: выборы должны проводиться на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов. В ряде текстов выделялась приписка: "Без различия вероисповеданий и национальностей". Относительно пола избирателей такая оговорка отмечена исследователем лишь в одном приговоре (Область Войска Донского); в остальных документах либо вообще ничего не сообщалось относительно пола избирателей или прямо указывалось, что выборным правом пользуются мужчины. В ряде петиций К. Сивков фиксирует опасение крестьян относительно введения куральной системы выборов, при которой их представители будут иметь меньше прав, чем представители других сословий. В ряде приговоров устанавливается возрастной ценз для избирателей. По мнению составителей, право избирать должно быть предоставлено россиянам, начиная с 21 года.

Чтобы подтвердить прогрессивность крестьянских электоральных представлений, К. Сивков анализирует их мнение относительно устройства народного представительства. Содержание приговоров позволяет исследователю утверждать: земледельцы хотят не совещательного, а законодательного представительного собрания. В трех из них даже вводится термин "учредительное собрание", хотя, как показал исследователь, в

одном из документов он был использован по недоразумению¹. Изучение представлений крестьян о народном представительстве подтверждает их желание иметь в стране полноценный парламент. Свой вывод К. Сивков иллюстрирует выдержками из ряда приговоров, которые с разной степенью полноты отражают это желание, пытается найти документ, наиболее полно выражающий предложения различных крестьянских сообществ. Наконец, ряд приговоров содержат просьбу об амнистии пострадавшим за политические и религиозные убеждения, за участие в беспорядках, на которые людей толкнула крайняя нужда. Форма изложения такого рода просьб варьирует от краткого упоминания об освобождении провинившихся крестьян до речей в их защиту.

Подводя итоги, К. Сивков оговаривается, что малочисленность документальной базы неизбежно ограничивает широту сделанных выводов. В то же время это ценный материал, позволяющий понять специфику настроений русской деревни накануне публикации Положения о Думе 6 августа 1905 г. и разобраться в экономических и политических идеях, циркулировавших в сознании массы крестьян. Реальные политические представления крестьянства, складывавшиеся весной-летом 1905 г., отличались от стереотипов народного "консерватизма", которые господствовали в сознании власти, предложившей обществу следующую, Булыгинскую Думу. "... Положение 6 августа, все построенное на расчетах о патриархальности воззрений русского мужика, - констатировал К. Сивков, - не могло удовлетворить и этого последнего, как не удовлетворило и другие слои народа. "Ень" оказался далеко не так прост, как это воображали правители - да, кажется, воображают еще и теперь" [Сивков: 48].

Выборы в I Государственную Думу и краткосрочный период ее функционирования стимулировали очередной всплеск петиционной активности крестьянства. Теперь надежды, чаяния и требования деревни были обращены к выборщикам и депутатам нового представительного органа в стране. Появляются новые исследования, в которых на основе анализа документов исследуются особенности политической ментальности российского крестьянства. Объектом внимания становилось отношение крестьян к разным аспектам политической реформы в стране: предлагаемой структуре народного представительства, избирательной системе, на основе которой формировалась нижняя палата парламента, месту и роли Государственной Думы в управлении государством и т.д.

Так, А. Смирнов пытается понять восприятие деревней многостепенности куриальных выборов, заложенных булыгинско-виттевской избирательной системой, введение властями Государственного Совета [Смирнов]. Источниковую базу составили письма крестьян, журналистские корреспонденции с мест, а также материалы наказов и приговоров сельских сообществ, опубликованные в прессе и содержащие информацию по данному вопросу. Как и К. Сивков, А. Смирнов выделяет временные и территориальные параметры своего исследования. Он анализирует документацию, собранную за три месяца первой думской избирательной кампании (февраль-апрель 1906 г.), и характеризующую, в основном, представления и настроения крестьян центральной промышленной полосы России. Чтобы показать временную и территориальную динамику формирования электоральных представлений аграриев, А. Смирнов применяет метод сравнительного анализа. В первом случае его интересует сопоставление специфики политического сознания крестьянства середины 1905 г., когда стране была предложена законосовещательная Булыгинская Дума, и периода формирования первого народного представительства. Во втором случае - корреляция политических представлений крестьянства различных регионов Европейской России.

Работа с собранным материалом позволяет А. Смирнову отметить интенсивность процесса развития политического сознания народных масс. "Если прежде, даже после закона 6 августа, - отмечает Смирнов, - деревня относилась безучастно к представительству, не осознавая ясно его смысла и значения, то теперь трудно отыскать

¹ В приговоре крестьян села Гашина Одесского уезда утверждалось, что царский рескрипт от 18 февраля 1905 г. официально объявлял учредительное собрание формой будущего народного представительства [Сивков: 46].

уголок в нашей провинции, где бы крестьяне не толковали о государственной думе, долженствующей сократить чиновников, дать народу свободу и землю" [Смирнов: 433]. Автор отмечает стремление крестьян разобраться в сущности инноваций. Оценка содержания посланий свидетельствовала о возросшей политической грамотности избирателей: большинство документов единодушно порицает действовавшую многоступенчатую систему выборов. Исследователь приводит выдержки из них, свидетельствовавшие о понимании крестьянами неравенства избирательных прав, заложенных в электоральное законодательство.

Сложные терминологические понятия индуцировались обыденным сознанием малограмотного или неграмотного в своей массе крестьянского населения. Поиск сходных черт между избирательными процессами и особенностями сельскохозяйственного производства, известными работающему на земле, позволяли сельским жителям нагляднее представлять себе плюсы и минусы происходящего в политической жизни. В крестьянской среде, отмечает А. Смирнов, получило распространение сравнение четырехстепенных выборов с четырехситной веялкой, используемой в зерноводстве. "Все население, - цитирует он отрывок письма одного из волостных писарей, - очень недовольно четырехстепенными выборами, что мне приходилось слышать на всех крестьянских сходах и собраниях, и они крепко убеждены, что административное сито истинного радетеля их интересов в думу не пропустит. Везде слышится желание прямых выборов" [Смирнов: 433]. Отмеченное сравнение характерно для большинства крестьянских корреспонденции из губерний: Нижегородской, Смоленской, Костромской и Вологодской. Предположение о том, что представление о сходстве выборов с устройством сельскохозяйственной машины имело авторство и было широко распропагандировано, кажется А. Смирнову необъективным, "...не подлежит сомнению, - отмечает он, - что столь широкое и одновременное распространение этого сравнения обязано своим происхождением исключительно удивительному сходству этих двух явлений. И крестьяне, склонные к сравнениям, одновременно, в совершенно обособленных губерниях, сразу подхватили это сравнение и широко разнесли его" [Смирнов: 434]. По его мнению, индуцированные политические представления быстро усваиваются в народе и формируют устойчивую негативную оценку действующей избирательной системы.

Неоднозначны взгляды крестьян на соотношение представительства местных и общегрупповых интересов на политическом уровне. Наряду с требованием всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, встречались и более наивные предложения, в основе которых лежало представление о депутатах как "послах" к Царю, призванных изложить ему нужды конкретной сельской общины. "Кое-где, - отмечает А. Смирнов, - крестьяне выражают желание, чтобы такая прямая система выборов была применена к представительству по одному человеку от каждой волости прямо в думу" [Смирнов: 435].

Взгляд на Думу как "коллективного ходока" проявляется и в крестьянской оценке учреждения Государственного Совета. Как отмечает А. Смирнов, тревога охватила русского мужика в связи с принятым правительственным решением. В массовом сознании верхняя палата парламента ассоциировалась с задерживающим центром народной воли, призванным воспрепятствовать работе Государственной Думы. А. Смирнов приводит отрывок из письма, в котором автор связывает отказ местных помещиков продать землю сельским общинам с надеждами на поддержку Государственного совета. "Многие общества, - указывалось в корреспонденции, - в том числе и мы, обращались к владельцам о покупке земли, но получаем отказ: "что решит Государственная Дума". Значит, они надеются на свою силу там, где будут заседать их уполномоченные члены в верхней палате с министрами и сообщая стать против требований крестьян в отчуждении их земель" [Смирнов: 436]. Вектор крестьянских настроений относительно правовых возможностей Государственной Думы, считает А. Смирнов, в связи с учреждением Государственного Совета смещается в сторону пессимизма. Анализ провинциальной прессы указывал на схожесть выявленных воззрений в разных регионах Европейской России.

В целом, исследование А. Смирнова выявляло роль внешних факторов в становлении массового политического сознания. Социальные кризисы интенсифицировали ломку традиционных властных представлений крестьянства. На это указывает автор, обобщая результаты проведенной работы. "Так выросла деревня, и так она будет расти и впредь: ведь в исторические революционные периоды рост народных масс совершается не годами, а днями. Надо иметь много непредусмотрительности и самонадеянности, чтобы не видеть этого" [Смирнов: 437].

Крестьянские наказы, составленные в период выборов I Государственной Думы, стали объектом исследования М. Кроля. Обращенные к уполномоченным, выборщикам и избираемым депутатам, эти послания отражали взгляд основной крестьянской массы на задачи, которые должен был решать новый российский парламент. Наблюдалась определенная историческая преемственность в крестьянских приговорах начала 1905 и крестьянских наказах начала 1906 г. Как и К. Сивков, М. Кроль отмечает определяющую роль аграрного вопроса, который, по мнению *подписантов*, должен быть решен в первую очередь. Несмотря на различия в понимании отдельных аспектов проведения земельной реформы, общая ее направленность трактуется в большинстве анализируемых документов примерно одинаково. "Если в одном месте, - пишет М. Кроль, - крестьяне признают возможность выкупать частновладельческие земли, где по справедливой оценке, а где за счет государства, а в другом они требуют безвозмездного отчуждения помещичьих земель, то относительно того, что все казенные, монастырские и церковные земли должны перейти в пользование к крестьянам, не существует никаких разногласий" [Кроль: 44].

Как и горожане, крестьяне начинают осознавать значимость политических свобод, без обретения которых невозможно решить аграрные проблемы села. Требования свобод и всех гарантий свободной жизни звучат так же властно в крестьянских наказах, как и требования земли. В отличие от смиренных петиций годичной давности, отмечает исследователь, крестьянские наказы народным избранникам носят императивный характер. "Крестьяне научились требовать, - пишет М. Кроль, - а это значит, что они решились добиться во что бы то ни стало того, что они считают принадлежащим им по праву" [Кроль: 44 - 45]. Исследователь одним из первых обращает внимание на мистифицированное восприятие крестьянами требований, изложенных в наказах. Последние, в отличие от резолюций горожан, носили характер заветов, которые необходимо было исполнить, несмотря ни на какие препятствия. Некоторые сельские общества писали свои наказы на пергаменте, а депутаты-крестьяне рассматривали свою миссию в Государственной Думе как возложенное на них великое, святое дело.

Представленные в документах программные заявления настолько ясно выражают общие чаяния крестьянской массы, что основная задача М. Кроля сводится к знакомству читателя с их содержанием. Приводятся выдержки из газет, в которых интересующий публициста материал представлен неоднозначно, что варьирует презентацию от упоминаний о существовании наказа до представления полного текста, позволяющего в деталях разобраться в содержании написанного. Иллюстративный подход сделал работу М. Кроля ценным источником анализа политического сознания крестьянства другими публицистическими аналитиками [Марев: 107 - 108].

Методически наиболее интересно исследование в 1906 г. наказов крестьян Самарской губернии В. Кудрявцевым и А. Васильевым. Публицисты одними из первых систематизировали фактологический материал, собранный в одном из районов Европейской России, осуществили попытку ретроспективного страново-компаративистского анализа источниковой базы. Объектом сравнения Кудрявцева и Васильева стали наказы французских крестьян избирательным собраниям Франции в 1789 г. и петиции самарской деревни, присланные в адрес I Государственной Думы, парламентских фракций и отдельных депутатов в 1906 г. Выбранные для изучения материалы создавались в эпоху буржуазно-демократических революций, в эпоху пробуждения интереса народных масс к политике, становления массового политического сознания. Сопоставление выводов строилось на обращении к работам французских ученых XIX в.

о крестьянском петиционном движении в предреволюционной Франции конца XVIII в. [Шампльон; Токвиль].

Неокантианским предстает утверждение А. Васильева, что "...только то, в конце концов, существует, что я сознаю, что я чувствую" [Васильев: 17]. С такой позиции автор осмысливает процессы в политической сфере общества: состояние общественного сознания задает императивы политической деятельности. Идеи, овладевшие массами, способны кардинально менять властную действительность, даже если объективных предпосылок этих изменений нет.

Формирование массового политического сознания в революционной России, считает А. Васильев, - важная задача и самодержавной власти, и оппозиции. Пропаганда тех или иных идей предполагает наличие методов и средств фиксации сложившегося состояния общественных настроений, позволяющих разобраться в результатах проведенной работы. В отличие от правительства, обладающего разнообразными возможностями изучения "народного духа", оппозиция имеет лишь два способа знакомства с мыслями страны: выборы в Государственную Думу и указы. Соответственно, наиболее распространенным методом сбора и анализа фактологического материала может стать в дополнение методу массовых наблюдений метод анализа документов.

Отслеживая состояние и динамику политического сознания российского крестьянства, В. Кудрявцев и А. Васильев использовали популярный у историков того времени сравнительно-исторический метод, который, отмечал К. Тахтарев, являлся разновидностью сравнительно-эволюционного метода, применявшегося для исследования явлений общественной жизни [Социология в России...: 220]. Российских исследователей интересуют тенденции формирования политического сознания народных низов в разных странах, "...тождество актов духа двух совершенно различных народов, - писал А. Васильев, - поразительно, несмотря на слишком столетнюю разницу во времени ее проявления; документы, написанные где-то во Франции, в совершенно иную, казалось бы, эпоху и при совершенно иных условиях политического быта, ни чем, по существу, от документов Новоузенского или Бугурусланского уездов не отличаются" [Васильев, Кудрявцев: 20]. Французские и российские документы о крестьянских требованиях имели много схожего в структуре, стиле, в содержании, авторы касались и социально-экономических проблем. Для источниковой базы двух эпох характерен развитый литературный язык, насыщенный терминологией, что явно не соответствовало низкому образовательному уровню деревни как конца XVIII столетия во Франции, так и начала XX в. в России. Проблему подлинности крестьянских наказов В. Кудрявцев и А. Васильев пытаются решать, опираясь на исследования французских ученых XIX в. Последние, анализируя книжный стиль изложения содержания и особенности используемой риторики, не видели причин сомневаться в достоверности исследуемых документов. Так, А. Токвиль, осторожность и деликатность заключений которого, замечает Васильев, хорошо известна в научных кругах, в свою очередь, высказывает мысль о быстром проникновении литературного языка в различные классы общества и легкости его усвоения представителями низов в период острых политических трансформаций. Тот факт, что проблема достоверности крестьянских петиций исследована и подтверждена научной мыслью на примере Франции, снимает, по мнению А. Васильева, потребность в такого рода работе по отношению к отечественному документальному материалу 1906 г.

Содержательный анализ крестьянских наказов указывал на схожесть выводов французских и российских исследователей. Отдельные документы содержали пожелания изменения или корректировки тех или иных политико-юридических актов. Но обобщение этих пожеланий указывало на растущий правовой нигилизм, сводящийся к требованию "немедленной и систематической отмены всех законов и всех обычаев, действующих в стране". В петиционных посланиях, как указывал А. Токвиль, тоже кодировалась установка народных масс на коренное насильственное переустройство существующих несправедливых общественных отношений. Этого не понимали французские реформаторы 1789 г.: "...они думали, что всестороннее и внезапное пробуж-

дение может быть произведено без толка, с помощью разума и силой его одного" [Токвиль: 21].

Сравнивая содержание посланий самарских крестьян I Государственной Думе, исследователь фиксирует доминирование "царистских" надежд среди составителей и подписантов. А. Васильев приводит выдержку из наказа жителей Березово-Лукской волости депутатам. "Идите прямо все к царю, устраните лежащее между ним и вами (чиновниче) средостение. Мы убеждены, что царь, давши манифест 17-го октября, желает добра своему народу (проверьте наши убеждения). Неужели кучка чужаедаев, дороже ему и он 130-ти миллионное население сменяет на нее? Нет! Этому нам не хочется верить и прискорбно будет, если действительность убедит в положительности (горькой истины)" [Васильев: 27]. В этом плане петиции самарской деревни идентичны посланиям французских крестьян, связавших реализацию своих интересов с Людовиком XVI. Последний рассматривался как надсословный суверен, проникнутый благожелательством к обездоленным классам. И лишь злая воля дворянства и духовенства мешала монарху творить добро. Борьба с представителями привилегированных сословий была призвана устранить препятствия на пути королевской доброжелательности и рассматривалась низами как государственное дело. Столкновение реалий действительности со стереотипами мифосознания неизбежно порождало "борьбу надежды с отчаянием". Такое воззрение, по мнению А. Васильева, помимо того, что оно свойственно всем народам в определенные эпохи развития их политического сознания, консервативно по существу и наивно-ребячески по содержанию [Васильев: 27].

Исследование В. Кудрявцева и А. Васильева было проведено в период роспуска I Государственной Думы. Оценивая провал попыток правительства создать "послушное" народное представительство в стране, исследователи отмечают закономерный характер такого исхода, опираясь на тенденцию, выявленную А. Токвилем при изучении Великой Французской революции. Попытки реакции манипулировать идеей народного представительства в начале и на исходе революции заканчиваются по-разному. На завершающем этапе утомленный волнениями народ часто соглашается на формализацию института парламентаризма с превращением его в придаток авторитарной власти. Однако на начальном этапе подобные попытки всегда оканчиваются неудачей и только возбуждают народ, не удовлетворяя его [Васильев: 28].

Сравнительно-эволюционный метод исследования позволил Васильеву показать, что в исторической перспективе крах старого политического порядка и победа освободительного движения в России неизбежны. Законы развития являются общими для всех европейских народов; опыт Великой Французской революции актуален и для начала XX в. Самодержавной власти вряд ли удастся "... выключить Россию из семьи цивилизованных народов, беспрерывно идущих в направлении почти бесконечного развития демократизации их социально-политической жизни и отношений. Мы стали на ту же дорогу, нас толкают те же силы и, конечно, результаты будут одни и те же" [Васильев: 30]. Региональный характер анализируемого документального материала не мешает исследователям делать универсальные выводы. "Наказы Самарской губернии, - указывают В. Кудрявцев и А. Васильев, - не исключение; если кто-нибудь последует нашему примеру и соберет указы других областей и генерал-губернаторств России, можно будет убедиться во всеобщности указанных нами жалоб, надежд и требований..." [там же: 30].

В исследованиях настроений крестьянства периода выборов в I Государственную Думу наряду с качественным анализом применялись и количественные замеры. К рейтинговой группировке программных требований, изложенных в крестьянских наказах уполномоченным, выборщикам и депутатам нижней палаты российского парламента, обратился один из исследователей крестьянского движения в период первой русской революции П. Марев, используя тексты петиционных посланий, собранных в работе А. Васильева и В. Кудрявцева "Крестьянские указы Самарской губернии". Из 75 документов, представленных в работе, 68 имели программный характер. Подсчет частоты упоминаний конкретных социальных и политических требований сельских низов

вносил большую объективность в обоснование выводов, позволял выявить корреляцию с результатами традиционного способа анализа петиций. На основе рейтинговой группировки программных заявлений наказов одного из регионов Европейской России П. Марев пытается оценить реальное состояние политического сознания крестьянства на момент проведения первой думской избирательной кампании. Статистические выкладки свидетельствовали о равнозначной популярности требований "земли" и "воли", упоминавшихся в абсолютном большинстве проанализированных документов. В общем числе наказов программного характера 61 содержал требование земельной реформы, а 60 - "осуществление свобод, обещанных манифестом 17-го октября". В то же время рейтинговые замеры свидетельствовали об умеренности политических настроений. В 13 документах встречается требование созыва Учредительного Собрания, в 14 - реформы избирательного права [Марев: 111].

Отмечу, что методика анализа крестьянских наказов и приговоров, применявшаяся в русской публицистике начала XX века, мало отличалась от способов изучения, к которым прибегали исследователи последующих эпох: необходимость сочетания качественных и количественных подходов работы с текстами для получения объективных результатов. "Анализ требований крестьян, - писал Б. Трехбратов, - убеждает в том, что приговоры и наказания... не могут быть научно освоены традиционным методом иллюстрирования наиболее ярких мест из текста. Для более досконального изучения этих документов представляется необходимым применить метод формализации сведений, содержащихся в них, с последующей их организацией в таблицы" [Трехбратов: 186].

Таким образом, политическое сознание крестьянства развивалось под сильным влиянием первой русской революции, стимулировало интерес современников к этой проблеме. Анализ приговоров и наказов, обращенных к органам власти, и в первую очередь, к Государственной Думе, указывал, с одной стороны, на трансформацию традиционных властных воззрений основной части населения Российской империи, с другой - на сохранение патерналистской основы восприятия процессов политической модернизации, проводимых в стране. Публицисты начала XX в. понимали, что их исследования - начальный этап изучения политического сознания. "Будущему историку, - писал один из них, - предстоит благодарная задача выяснить на основании многих тысяч крестьянских наказов, - какие интересы русское крестьянство считало наиболее близкими и дорогими, и какие меры и пути предлагало оно для удовлетворения его насущных нужд" [Кроль: 34]. Предвидение сбылось. В современной историографии и исторической социологии складывается традиция крестьяноведения, нашедшая отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дмитриенко А. Отношение предреволюционного крестьянства к Государственной Думе (на примере Вятской губернии) // Политические исследования. 2007. N 5.
- Петергофские совещания о проекте Государственной Думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Петроград: Государственная Типография, 1917.
- Сивков К. Крестьянские приговоры 1905 года // Русская мысль. 1906. Кн. IV.
- Смирнов А. Деревня о многостепенных выборах и Государственном Совете // Свобода и культура. 1906. N6.
- Кроль М. Крестьянские настроения по составленным для Государственной Думы "наказам" // Народный вестник. 1906. N 6.
- Марев П. Политическая борьба крестьянства в России // Вл. Горн, В. Меч; Череванин. Борьба общественных сил в русской революции. Вып. III. Крестьянство и революция. М., 1907.
- Васильев А., Кудрявцев В. Крестьянские наказания Самарской губернии. Самара: Типография А. Н. Хардина, 1906.
- Шампъон Э. Франция накануне революции по наказам 1789 г. СПб., 1906.
- Токвиль А. Старый порядок и революция. М., 1905.
- Социология в России XIX - начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. Добренкова В. И. М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.
- Трехбратов Б. О статистическом изучении приговоров и наказов крестьян в I Государственную Думу (на примере степного Предкавказья) // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. 1981. Москва: "Наука", 1982.